

7. Коржихина Т.П. Народный комиссар торговли и промышленности В.П. Ногин // Первое советское правительство. Октябрь 1917г. – июль 1918г. М., 1991.
8. Орлов В.С., Султанова Е.А. Съезд восставшего и победившего народа. 2-е изд. Л., 1987.
9. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Р. С. Кр. и Каз. депутатов II созыва. М., 1918.
10. Декреты Советской власти. Т.1. 25 октября 1917г. – 16 марта 1918г. М., 1957.

ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Отношение к творчеству в классической науке

к.ф.н. доц. Катаева О.В.

Университет машиностроения

8-916-220-93-06 katolvik@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности научного стиля мышления, сформировавшегося в рамках классической науки XVII-XIX вв. Особое внимание уделяется ценности творчества. Демонстрируется амбивалентное отношение к нему в науке Нового времени.

Ключевые слова: классическая наука, рациональный метод, творчество, гений

Новое время во многом унаследовало античную тенденцию разделения познавательного процесса и предметно-практической деятельности. Познание рассматривалось как созерцание вечного Бога, природы, поэтому исследователь не творил, а открывал знание. Творчество, понимаемое как создание чего-то нового, неповторимого, оригинального, рассматривалось как характерная черта деятельности художника. Не случайно именно в эпоху Возрождения возникает интерес к личности творца, к самому акту творчества художника. Такого интереса к личности ученого наука Нового времени, в общем, не знала, само понятие творчества философами и учеными Нового времени почти не использовалось.

Классическая наука была проникнута демократическим пафосом равенства способностей людей в процессе познания. Свою цель философы и ученые видели в создании метода, который давал бы людям равные возможности в познании мира. Этот пафос реализовался в стремлении Р. Декарта создать правила для руководства ума, следование которым гарантировало бы получение истинного знания для любого подготовленного исследователя. В центре методологического сознания Нового времени оказалась, прежде всего, проблема общего метода, который раскрыл бы законы познавательной, научной деятельности, проблема же уникальности творческого процесса, уникальности личности ученого оказалась в тени. Такая позиция диктовалась особенностями научного труда. Научное знание, поскольку оно фиксирует всеобщие и необходимые черты природы, должно существовать в форме строго однозначных утверждений. Ученый как бы отчужден от результата своего труда, придает ему безличную форму, делая тем самым его пригодным к потреблению научным сообществом.

Конечно, нельзя утверждать, что ученые Нового времени не воспринимали уникального, личностного характера своей деятельности, не интересовались актом открытия. Многие из них оставили нам глубокие замечания о творческом характере научного исследования, об уникальности творческих способностей личности. Скажем, Г. Галилей глубоко осознавал творческую природу деятельности ученого. Он писал: «Идти к великим изобретениям, исходя из самых ничтожных начал, и видеть, что под первой и ребяческой внешностью может скрываться удивительное искусство, – это дело недюжинных умов, и под силу лишь мысли сверхчеловека»[1]. Многие ученые, такие как И. Ньютон, Р. Декарт, Б. Паскаль, Х. Гюйгенс и др. оставили замечания об эвристических приемах, которыми пользовались в процессе поиска нового. Однако все эти замечания часто интуитивного характера не стали достоянием методологического сознания, и поэтому не могли стать элементом стиля научного мышле-

ния.

В понимании процесса научного исследования, как обезличенного, подчиняющегося общим правилам крылось противоречие между всеобщим и необходимым знанием, результатом творческого процесса и конкретным, индивидуальным способом получения этого знания.

И. Кант одним из первых осознал это противоречие. Для обозначения творческого процесса он использует понятие «продуктивная способность воображения». Эта способность позволяет человеку преодолеть логический разрыв между знанием, получаемым с помощью органов чувств и рациональным знанием, являющимся результатом деятельности рассудка, мышления, то есть перейти от индивидуального опыта к всеобщему и необходимому знанию. Этот своеобразный «прыжок» носит нерациональный характер. В сущности, И. Кант создает пропасть между всеобщими научными методами и личностным процессом поиска ученым нового знания. В современной литературе для описания процесса открытия используется понятие интуитивного познания, особого типа мышления, в ходе которого исследователь не осознает те логические приемы, с помощью которых делает выводы. Думается, это мало чем отличается от позиции немецкого философа.

Характерно, что непосредственно вопрос о творчестве и творце Кант рассматривает в основном в своей теории искусства. Он вводит понятие гения для обозначения творческой личности в искусстве. С его точки зрения, гений обладает следующими свойствами: оригинальность, то есть способность создавать нечто без определенных правил; бессознательность творческого процесса; создание образцов для подражания, но только лишь в искусстве, а не в науке. Сравнивая гения в искусстве и талант в науке, И. Кант доказывает, будто в науке даже величайший ум отличается от жалкого подражателя только по степени, тогда как от того, который природа наделила способностью к изящным искусствам, он отличается специфически [2].

Таким образом, здесь сохраняется та же идея о различии научной деятельности, подчиняющейся всеобщим правилам, основанным на универсальных интеллектуальных способностях человека, и индивидуальной, неповторимой, часто бессознательной, не шаблонной деятельностью творца, возможной лишь в сфере искусства. В дальнейшем кантовские идеи о творчестве в искусстве послужили основой для схожих представлений в работах Шеллинга и немецких романтиков. Мысли о научном познании, как отличном от деятельности художника и поэтому не творческом, автоматическом процессе, были распространены среди ученых XIX в. Так, например, Г. Гемгольц, Герц указывали на автоматический характер, сообщаемый всякой научной работе надежным и исчерпывающим методом [3].

Итак, на протяжении XVII-XIX вв. в целом научный стиль мышления включал собственно методологические принципы, раскрывавшие всеобщий, необходимый характер познавательной деятельности. Рефлексия индивидуального акта научного исследования, осознание его личностного характера, хотя и осуществлялось отдельными исследователями, но не вошла в методологическое сознание эпохи. Сложившиеся в философии представления о творчестве мешали осознанию творческого, оригинального характера научного мышления.

Однако вопрос о характере личности ученого и его типичном поведении достаточно остро встал перед научным сообществом из-за необходимости оценивать его поведение как соответствующее или несоответствующее стандартам научной деятельности. В частности, это было связано с задачей Академией защищать профессиональное научное сообщество от наплыва разного рода шарлатанов, любителей поживиться или просто жаждущих известности людей. Однако деятельность академиков также в некоторых случаях вызывает сомнение.

Любопытен в этой связи случай известного революционера Ж.П. Марата. Он был врачом по образованию, увлекался научными, в том числе физическими, исследованиями света, одно время учился в Эдинбургском университете. В 1777 г. он приезжает в Париж из Англии с тем, чтобы попытаться сделать здесь научную и медицинскую карьеру. Еще в Англии он провел серию экспериментов, которые, как ему казалось, позволяют непосредственно наблюдать световой флюид, то есть гипотетическую субстанцию – носитель света. Получен-

ные результаты он оформляет в виде мемуара и отправляет на отзыв в Академию в 1778 году. Академия поручает рассмотреть эту работу своему члену графу Мальбуа, который дает, в общем, благоприятное заключение, каковое и доводится до сведения автора. Марат, вдохновленный кажущейся поддержкой Академии, принимается за более фундаментальный труд, результат которого представляет в Академию спустя несколько месяцев. Однако на этот раз Академия не спешит с отзывом, дело затягивается и, в конце концов, отзыв, подписанный Ле Руа, Кузенном и Сажем, оказывается неблагоприятным для соискателя [4]. Марат воспринимает это крайне болезненно. Он пытается добиться признания своей работы. Однако ученые заупрямились, и положительный отзыв так и не был дан.

Не углубляясь в детали этой истории, отметим мотивы поступков и их обоснование участниками этой истории. Марат критикует академиков в серии писем, адресованных как своим друзьям, так и самим академикам, а его друг Жан Поль Бриссо опубликует в 1782 г. работу «Об истине», в которой рассказывает о мытарствах своего друга, обвиняя Академию в том, что она не поддерживает талантливых ученых, а защищает старое знание. Бриссо произвел длинный разговор, который он имел с Лапласом, который с готовностью заявил о ложности идей Марата, даже прежде, чем он познакомился с ними. Это кажется высшей точкой академической предвзятости. Основное обвинение Бриссо состоит в том, что Академия не поддерживает творческих гениев, людей, делающих что-то новое в науке. Здесь, мы видим, звучит в качестве мотива критики идея важности творчества как признака подлинно научной деятельности. Творец – человек, созидающий новое, личность неординарная и необычная, именно таковым Бриссо видится его друг Марат. Академия же руководствуется устаревшими понятиями о том, что ученый должен опираться на уже устоявшимися методы, подчинять свое мнение мнению большинства ученых. В сущности, Бриссо требует изменения норм оценки научного труда, предлагая в качестве таковых положить личность исследователя, ее творческий потенциал.

Во время Французской революции в 1791 году Марат вновь обращается к вопросу о работе Академии в своем памфлете «О шарлатанах». Работа посвящена положению дел в науке и в частности, в Академии наук. Здесь Марат вслед за Бриссо повторяет, что в науке ценна, прежде всего, творческая личность. Научный труд – дело гениальной личности, а не сообщества посредственностей, поэтому Академия наук в ее прежнем виде не только не помогает, но мешает научному творчеству.

Академия не осталась глуха к нападкам. Она сформировала общественное мнение негативное для Марата, обвинив его в шарлатанстве. Марата это крайне задело, потому что ставило крест на его общественной карьере врача и ученого. Были ли основания для этого у академиков? В общем, нет, потому что хотя работа Марата и не получила в конце концов признания времени, она была сделана очевидно вполне корректно. Идеи, которых придерживался Марат и которые сейчас не входят в арсенал науки, например, идеи о флюидах, в то время были распространены и даже общеприняты. Очевидно, академиков раздражала сама личность Марата, человека неуживчивого, настойчивого, с бойким пером и большими амбициями.

Таким образом, работы его были забракованы, а сам он объявлен шарлатаном на том основании, что не соблюдал правил научного исследования и правил поведения ученого. Он стремился к признанию, а не к истине. Но ведь и академики также стремились к признанию, а само членство в Академии давало определенные привилегии и блага. Тем более не всегда это членство получали за заслуги. Этот конфликт для Академии был, скорее, формой наказания дерзкого аутсайдера, посмеявшегося, претендовать не в очередь на признание. Однако при аргументации своего негативного отзыва Академия ссылаясь на высокий авторитет общенаучных ценностей Истины, Рациональности и Права.

Думается, в этом споре столкнулись вечные, общезначимые ценности Истины и Метода с нарождающейся ценностью творчества. Верх одержали Истина и Метод, творчество оказалось посрамленным.

Эта история заставляет задуматься о том, действительно ли творчество оценивается,

как ценность, научным сообществом и может ли оно рассматриваться как ценность в общепринятом смысле этого слова. Действительно наука, понимаемая как рациональная форма знания, предполагает наличие научного метода, подчиненного строгим рациональным правилам. Рациональное знание строится с соблюдением правил логики и должно быть проверяемым. Очевидно, и деятельность по его получению также должна быть строгой и подчиненной определенным правилам. Творчество же рассматривалось в XVIII в. как характеристика художника, именно он объявлялся творцом, а не ученый.

Где же место творчества в науке? Научный результат должен быть поставлен во взаимосвязь с существующей традицией, и без таковой он не будет принят ученым сообществом как рациональный. Ученый – творец? Однако и он должен соблюдать определенные правила, принятые в научном сообществе, нарушитель же правил не находит поддержки, его могут объявить шарлатаном. Ученому не простят поведения, присущего художнику с его раскованностью, богемностью, оригинальностью, непредсказуемостью. Научное исследование – также деятельность, осуществляемая по правилам. Что же остается? Скрытый внутренний мир ученого с его оригинальным мышлением, способностью видеть новые аспекты проблемы, находить неожиданные ответы на поставленные вопросы. Творчество оказывается уделом невидимого мира души, мира который меньше всего поддается научной рационализации, который создает новое, строит правила, но сам находится вне таковых. В этом, как кажется, заключается одно из главных противоречий научного труда, сопрягающего новое и традицию, правило и разрыв с правилом, необходимость и всеобщность со свободой и индивидуальностью.

Литература

1. Галилей Г. Избранные труды в 2-х томах. М. Наука, 1964, т. 1.
2. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М. Наука. 1973
3. Грузенберг С.О. Гений и творчество. Л. 1924
4. Марат. Письма. 1776-1703. П-М. 1927

История и теория сциентизма как философского феномена

к.ф.н. доц. Худолей С.С.
Университет машиностроения
8(495) 683-99-70

Аннотация. В данной работе в общих чертах исследуются исторические и теоретические обстоятельства, которые определили становление и развитие такого философского и культурного явления как сциентизм. В статье обращено внимание на специфику и значение науки как социального феномена, а также влияние сциентистских идей на современную культуру.

Ключевые слова: сциентизм, антисциентизм, наука, техника, история, философия, религия, культура, общество.

Историческое и современное развитие сциентизма может пониматься различно в зависимости от тех или иных культурных и мировоззренческих установок, от специфики эпохи, а также от меняющейся интерпретации значения науки, техники, технологии в объективной социальной реальности.

Тем не менее, есть общая черта, характеризующая сциентизм как философский и культурный феномен в разные исторические эпохи, за исключением, вероятно, времени господства религии в Средние века, а именно: придание выдающегося статуса науке, а также определение ее постоянного и бесспорного превосходства по отношению к остальным культурным и общественным явлениям и процессам.

Наука в целом и естествознание в частности рассматривается как своеобразный ориентир для других социокультурных феноменов, которые, не будучи научными, определяются как вторичные, недостаточно по своему значению состоятельные и потому нуждающиеся в